

Митрополит
Антоний
Сурожский

ЖИЗНЬ И ВЕЧНОСТЬ

15 бесед о смерти
и страдании

митрополит Антоний Сурожский

Жизнь и вечность. 15

бесед о смерти и страдании

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67389753

Жизнь и вечность: 15 бесед о смерти и страдании. – 2-е изд. / Антоний

Сурожский, митрополит: Никея; Москва; 2018

ISBN 978-5-907307-85-8

Аннотация

Сборник «Жизнь и вечность. 15 бесед о смерти и страдании» – это беседы, отрывки из лекций, радиопередач, встреч митрополита Антония Сурожского, в которых он говорит о таких важных и сложных вещах, как страдание и смерть, дает им христианское осмысление. Владыка рассказывает много ярких случаев из своей собственной жизни, когда он как врач и священник встречался со смертью, рассуждает о страхе смерти, о страданиях детей, о Суде Божьем, развеивает отношение к смерти как «к худшему, что может с нами случиться». Несмотря на такую болезненную тему, в словах владыки много света, утешения, надежды и любви. Он говорит о смерти и страдании так, что умирать и страдать становится почти не страшно.

Содержание

Предисловие	6
Беседа 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Митрополит Антоний Сурожский Жизнь и вечность. 15 бесед о смерти и страдании

Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р16-613-0502*

Текст подготовлен совместно с фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

НИКЕЯ

© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation, 2017

© ООО ТД «Никея», 2018

*Книга построена на основе записанных в период
с конца 60-х годов по 2001 год бесед, интервью,*

выступлений митрополита Антония Сурожского, в которых он касался тем смерти и страдания.

Предисловие

Однажды я беседовал с митрополитом Антонием о пастырском служении в хосписе и общении с умирающими и их близкими. Я был тогда поражен обстоятельствами нашего разговора. Это происходило во время Сурожской епархиальной конференции в мае 2001 года – вокруг толпились люди, они общались, приветствовали друг друга, обменивались новостями, радовались встрече со старыми друзьями... Владыка Антоний отвел меня в сторону, в незаметную маленькую комнатку, закрыл дверь – и весь людской шум стих. За окном пели птицы, и деревья были все в цвету... Так мы посидели в безмолвии несколько секунд, и только потом начался наш разговор.

Я вспоминаю все это потому, что разговоры и проповеди владыки глубоко укоренены в духовном безмолвии. В безмолвии творческом, в тишине, располагающей к видению глубин собеседника, к видению того, как в нем отражается слава образа Божьего. Владыка обладал удивительной способностью сосредотачиваться исключительно на том человеке, с которым он сейчас общался – на это время собеседник становился для него космосом.

Этот дар – говорить из глубины молитвенной тишины – чувствуется не менее остро, когда речь идет о смерти и умирающих.

Часто во время моего служения в Первом московском хосписе мне доводилось слышать: что надо говорить умирающему? Как общаться с его родственниками? Много лет назад я задавал владыке те же вопросы, но он не ответил мне, что именно нужно говорить. Он сказал, что самое главное – слушать. Слушать не просто для того, чтобы быть в курсе обстоятельств говорящего, но чтобы стать частью его жизни, его опыта. Именно так слушание может стать сочувствием – не обязательно отвечающим на вопросы, на которые часто и не может быть ответов. Слушание, научил меня владыка, может стать сопричастностью.

Материалы, собранные в этой книге, являются плодом того дара молитвенного созерцательного слушания, которым обладал митрополит Антоний. Он опирался не только на святоотеческую традицию, но и на опыт современных мыслителей и писателей, в том числе неправославных – подобно пчеле, которая, по словам св. Василия Великого, собирает пыльцу с самых разных прекрасных цветов и приносит мед истинной духовной мудрости. Однако более всего владыка опирался на свой богатый личный опыт. Митрополит Антоний сталкивался со смертью не только по долгу своего пастырского служения, но и работая врачом, и принимая участие во французском Сопротивлении во время Второй мировой войны. Во всех его размышлениях мы видим личную веру в неокончателность смерти, в превосходство любви, в Свет Воскресения, который не затмит никакая тьма. И, в ко-

нечном итоге, эта книга – о надежде.

*Протоиерей Христофор Хилл,
настоятель часовни Живоначальной Троицы при Первом
московском хосписе*

Беседа 1

Как можно думать о смерти и встречать ее¹

Меня просили сказать нечто о смерти – о подготовке к ней и о том, как можно думать о смерти и встречать ее. В завершение я хотел бы поговорить о некоторых обрядах Православной Церкви, связанных со смертью, о том, что происходит с телом усопшего и как мы относимся к этому телу, которое было проводником всего, что делала душа.

Память смертная

Для начала я хотел бы попытаться рассеять отношение к смерти, которое выработалось у современного человека: страх, отвержение, чувство, будто смерть – худшее, что может с нами произойти, и надо всеми силами стремиться выжить, даже если выживание очень мало напоминает настоящую жизнь.

В древности, когда христиане были ближе и к своим языческим корням, и к волнующему, потрясающему опыту об-

¹ Беседы в лондонском приходе. Апрель – май 1984 г. Пер. с англ. Е.Л. Майданович. Впервые опубликовано под названием «Смерть» в сборнике: *Антоний, митрополит Сурожский. Жизнь. Болезнь. Смерть.* М: Зачатьевский монастырь, 1995.

ращения, к откровению во Христе и через Него – Живому Богу, о смерти говорили как о рождении в вечную жизнь. Смерть воспринималась не как конец, не как окончательное поражение, а как начало. Жизнь рассматривалась как путь к вечности, войти в которую можно было открывшимися вратами смерти. Вот почему древние христиане так часто напоминали друг другу о смерти словами: *имей память смертную*; вот почему в молитвах, которые, как драгоценное наследие, передал нам Иоанн Златоуст, есть строки, где мы просим Бога дать нам *память смертную*. Когда современный человек слышит подобное, он обычно реагирует неприятием, отвращением. Означают ли эти слова, что мы должны помнить: смерть, точно дамоклов меч, висит над нами на волоске, праздник жизни может трагически, жестоко окончиться в любой момент? Являются ли они напоминанием при всякой встречающейся нам радости, что она непременно пройдет? Значат ли они, что мы стремимся омрачить свет каждого дня страхом грядущей смерти?

Не таково было ощущение христиан в древности. Они воспринимали смерть как решающий момент, когда закончится время делания на земле, и значит, надо торопиться, надо спешить совершить на земле все, что в наших силах. А целью жизни, особенно в понимании духовных наставников, было стать той подлинной личностью, какой мы были задуманы Богом, в меру сил приблизиться к тому, что апостол Павел называет полнотой роста Христова, стать возможно

совершеннее – неискаженным образом Божиим.

Апостол Павел в одном из Посланий говорит, что мы должны дорожить временем, потому что *дни лукавы* (Еф. 5:16). И действительно, разве не обманывает нас время? Разве не проводим мы дни своей жизни так, будто наскоро, небрежно пишем черновик жизни, который когда-то перепишем начисто; будто мы только собираемся строить, только копим все то, что позднее составит красоту, гармонию и смысл? Мы живем так из года в год, не делая в полноте, до конца, в совершенстве то, что могли бы сделать, потому что «еще есть время»: это мы dokonчим позднее; это можно сделать потом; когда-нибудь мы напишем чистовик. Годы проходят, мы ничего не делаем – не только потому, что приходит смерть и пожинает нас, но и потому, что на каждом этапе жизни мы становимся неспособными к тому, что могли сделать прежде. В зрелые годы мы не можем осуществить прекрасную и полную содержания юность, а в старости мы не можем явить Богу и миру то, чем мы могли быть в годы зрелости. Есть время для всякой вещи (см.: Екк. 3:1), но когда время ушло, какие-то вещи уже осуществить невозможно.

Я не раз цитировал слова Виктора Гюго, который говорит, что есть огонь в глазах юноши и должен быть свет в глазах старика. Яркое горение затухает, наступает время светить, но когда настало время быть светом, уже невозможно сделать то, что могло быть сделано в дни горения. Дни лукавы, время обманчиво. И когда говорится, что мы должны помнить

смерть, это говорится не для того, чтобы мы боялись жизни; это говорится для того, чтобы мы жили со всей напряженностью, какая могла бы у нас быть, если бы мы сознавали, что каждый миг – единственный для нас и каждый момент нашей жизни должен быть совершенным, должен быть не спадом, а вершиной волны, не поражением, а победой. Когда я говорю о поражении и о победе, я не имею в виду внешний успех или его отсутствие. Я имею в виду внутреннее становление, возрастание, способность быть в совершенстве и в полноте всем, что мы есть в данный момент.

Подумайте, каков был бы каждый момент нашей жизни, если бы мы знали, что он может стать последним, что этот момент нам дан, чтобы достичь какого-то совершенства, что слова, которые мы произносим, – последние наши слова и поэтому должны выражать всю красоту, всю мудрость, все знание, но также и в первую очередь – всю любовь, которой мы научились в течение своей жизни, коротка ли она была или длинна. Как бы мы поступали в наших взаимных отношениях, если бы настоящий миг был единственным в нашем распоряжении и если бы этот миг должен был выразить, воплотить всю нашу любовь и заботу? Мы жили бы с напряженностью и глубиной, иначе нам недоступными. И мы редко сознаем, что такое настоящий миг. Мы переходим из прошлого в будущее и не переживаем реально и в полноте настоящий момент.

Достоевский в дневнике рассказывает о том, что случи-

лось с ним, когда, приговоренный к смерти, он стоял перед казнью, – как он стоял и смотрел вокруг себя. Как великолепен был свет, и как чудесен воздух, которым он дышал, и как прекрасен мир вокруг, как драгоценен каждый миг, пока он был еще жив, хотя на грани смерти. «О, – сказал он в тот миг, – если бы мне даровали жизнь, ни одно мгновение ее я не потерял бы...» Жизнь была дарована – и сколько ее было растеряно!

Если бы мы сознавали это, как бы мы относились друг ко другу, да и к себе самим? Если бы я знал, если бы вы знали, что человек, с которым вы разговариваете, может вот-вот умереть и что звук вашего голоса, содержание ваших слов, ваши движения, ваше отношение к нему, ваши намерения станут последним, что он воспримет и унесет в вечность, – как внимательно, как заботливо, с какой любовью мы бы поступали!.. Опыт показывает, что перед лицом смерти стирается всякая обида, горечь, взаимное отвержение. Смерть слишком велика рядом с тем, что должно бы быть ничтожно даже в масштабе временной жизни.

Таким образом, смерть, мысль о ней, память о ней – единственное, что придает жизни высший смысл. Жить в уровень требований смерти означает жить так, чтобы смерть могла прийти в любой момент и встретить нас на гребне волны, а не на ее спаде, так, чтобы наши последние слова не были пустыми и наше последнее движение не было легкомысленным жестом. Те из нас, кому случилось жить какое-то вре-

мя с умирающим человеком, с человеком, который осознавал, как и мы, приближение смерти, вероятно, поняли, что присутствие смерти может означать для взаимных отношений. Оно означает, что каждое слово должно содержать все благоговение, всю красоту, всю гармонию и любовь, которые как бы спали в этих отношениях. Оно означает, что нет ничего слишком мелкого, потому что все, как бы ни было оно мало, может быть выражением любви: как ты подашь чашку чаю на подносе, каким движением поправишь подушки за спиной больного, как звучит твой голос – все это может стать выражением глубины отношений.

Это очень важно, потому что накладывает отпечаток на наше отношение к смерти вообще. Смерть может стать вызовом, позволяющим нам вырастать в полную нашу меру, в постоянном стремлении быть всем тем, чем мы можем быть, – без всякой надежды стать лучшими позднее, если мы не стараемся сегодня поступить как должно. Опять-таки Достоевский, рассуждая в «Братьях Карамазовых» об аде, говорит, что ад можно выразить двумя словами: «Слишком поздно!» Только память о смерти может позволить нам жить так, чтобы никогда не сталкиваться с этим страшным словом, ужасающей очевидностью: *слишком поздно*. Поздно произнести слова, которые можно было сказать, поздно сделать движение, которое могло выразить наши отношения. Это не означает, что нельзя вообще больше ничего сделать, но сделано оно будет уже иначе, дорогой ценой, ценой большей душев-

ной муки.

Я хотел бы проиллюстрировать свои слова, пояснить их примером. Некоторое время назад пришел ко мне человек восьмидесяти с лишним лет. Он искал совета, потому что не мог больше выносить ту муку, в какой жил лет шестьдесят. Во время Гражданской войны в России он убил любимую девушку. Они горячо любили друг друга и собирались пожениться, но во время перестрелки она внезапно высунулась, и он нечаянно застрелил ее. И шестьдесят лет он не мог найти покоя. Он не только оборвал жизнь, которая была бесконечно ему дорога, он оборвал жизнь, которая расцветала и была бесконечно дорога для любимой им девушки. Он сказал мне, что молился, просил прощения у Господа, ходил на исповедь, каялся, получал разрешительную молитву и причащался – делал все, что подсказывало сердце ему и тем, к кому он обращался, но так и не обрел покоя. Охваченный горячим состраданием и сочувствием, я сказал ему: «Вы обращались ко Христу, Которого вы не убивали, к священникам, которым вы не нанесли вреда. Почему вы никогда не подумали обратиться к девушке, которую вы убили?» Он изумился: «Разве не Бог дает прощение? Ведь только Он один и может прощать грехи людей на земле». Разумеется, это так. Но я сказал ему, что если девушка, которую он убил, простит его, если она заступится за него, то даже Бог не сможет пройти мимо ее прощения. Есть место в книге пророка Даниила, где говорится, что Даниил возносил молитву и

Бог ответил ему, что молитва его тщетна, потому что старая женщина, обиженная им, молится против него и ее молитва прибывает к земле его молитву, как сильный ветер — дым, не давая ей взойти ввысь. Я предложил ему сесть после вечерних молитв и рассказать этой девушке о шестидесяти годах душевных страданий, об опустошенном сердце, о пережитой им муке, попросить ее прощения, а затем попросить также заступиться за него и испросить у Господа покоя его сердцу, если она простила. Он так сделал, и покой пришел... То, что не было совершено на земле, может быть исполнено. То, что не было завершено на земле, может быть исцелено позднее, но ценой, возможно, многолетнего страдания и угрызений совести, слез и томления.

Когда мы думаем о смерти, мы не можем думать о ней однозначно — либо как о торжестве, либо как о горе. Образ, который дает нам Бог в Библии, в Евангелиях, более сложный. Говоря коротко, Бог не создал нас на смерть и на уничтожение. Он создал нас для вечной жизни. Он призвал нас к бессмертию — не только к бессмертию воскресения, но и к бессмертию, которое не знало смерти. Смерть явилась как следствие греха. Она появилась, потому что человек потерял Бога, отвернулся от Него, стал искать путей, где мог бы достичь всего, помимо Бога. Человек попробовал сам приобрести то знание, которое могло быть приобретено через приобщенность знанию и мудрости Божиим. Вместо того чтобы жить в тесном общении с Богом, человек избрал самость, незави-

симость. Один французский пастор в своих писаниях дает, может быть, хороший образ, говоря, что в тот момент, когда человек отвернулся от Бога и стал глядеть в лежащую перед ним бесконечность, Бог исчез для него. И поскольку Бог – единственный источник жизни, человеку ничего не оставалось, кроме как умереть.

Если мы обратимся к Библии, нас может поразить там нечто относящееся к судьбе человечества. Есть место в Библии, где говорится, что смерть овладела человечеством не сразу. Какова бы ни была в объективных цифрах продолжительность жизни первых великих библейских поколений, мы видим, что число их дней постепенно сокращается. Смерть покорила человечество постепенно. Смерть пришла, хотя еще сохранялась и сила жизни; но от поколения к поколению смертных и греховных людей смерть все укорачивала человеческую жизнь. Так что в смерти есть трагедия. С одной стороны, смерть чудовищна, смерти не должно бы быть. Смерть – следствие нашей потери Бога. Однако в смерти есть и другая сторона. Бесконечность в отлученности от Бога, тысячи и тысячи лет жизни без всякой надежды, что этой разлуке с Богом придет конец, – это было бы ужаснее, чем разрушение нашего телесного состава и конец этого порочного круга. Как ни тесны врата смерти, это единственные врата, позволяющие нам избежать порочного круга бесконечности в отделенности от Бога, от полноты, позволяющие вырваться из тварной бесконечности, в которой нет пространства, что-

бы снова стать причастниками Божественной жизни, в конечном итоге – причастниками Божественной природы. Поэтому апостол Павел мог сказать: *Жизнь для меня – Христос, смерть – приобретение* (Фил. 1: 21), потому что, живя в теле, я отделен от Христа. Потому-то в другом месте он говорит, что для него умереть не означает совлечься себя, сбросить с плеч временную жизнь; для него умереть означает облечься в вечность. Смерть – не конец, а начало. Эта дверь открывается и впускает нас в простор вечности, которая была бы навсегда закрыта для нас, если бы смерть не высвобождала нас из рабства земле.

В нашем отношении к смерти должны присутствовать обе стороны. Когда умирает человек, мы совершенно законно можем сокрушаться сердцем. Мы с ужасом можем смотреть на то, что грех убил человека, которого мы любим. Мы можем отказываться принять смерть как последнее слово, последнее событие жизни. Мы правы, когда плачем над усопшим, потому что смерти не должно бы быть. Человек убит злом. С другой стороны, мы можем радоваться за него, потому что для него (или для нее) началась новая жизнь – жизнь без ограничений, просторная. И опять-таки мы можем плакать над собой, над нашей потерей, нашим одиночеством, но в то же время мы должны научиться тому, что Ветхий Завет уже прозревает, предсказывает, когда говорит: *крепка, как смерть, любовь* (Песн. 8:6), – любовь, которая не позволяет померкнуть памяти любимого; любовь, которая дает нам

возможность говорить о наших отношениях с любимым не в прошедшем времени: «Я любил его, мы были так близки», а в настоящем: «Я люблю его, мы так близки».

В Новом Завете мы видим нечто даже еще большее, потому что Воскресением Христовым смерть на самом деле преодолена. Смерть преодолена во всех отношениях. Она побеждена, потому что благодаря Воскресению Христову мы знаем, что смерть – не последнее слово и что мы призваны восстать и жить. Смерть также поражена победой Христа, поправшего ад, потому что самый ужасный аспект смерти в представлении ветхозаветного народа израильского был в том, что отделенность от Бога, которую принесла с собой смерть, стала окончательной, непреодолимой. Те, кто умирал от потери Бога – и это относилось ко всем умершим, – в смерти терял Его навсегда. Ветхозаветный *шеол* был местом, где Бога нет, местом окончательного, безвозвратного Его отсутствия и разлуки. Воскресением Христа, Его сошествием во ад, в глубины адовы, этому был положен конец. Есть разлука на земле, есть горечь разлуки, но нет в смерти разлучения от Бога. Напротив, смерть – момент, путь, через который, как бы мы ни были отделены, как бы несовершенно ни было наше единение и гармония с Богом, мы предстаем перед Его Лицом. Бог – Спаситель мира. Он не раз говорил: *Я пришел не судить мир, но спасти мир* (Ин. 12:47). Мы предстаем перед Тем, Кто есть Спасение.

Так что в смерти есть многосложность, можно даже ска-

зять – двойственность. Но если мы – собственный Христов народ, мы не имеем права не заметить рождения усопшего в вечную жизнь из-за того, что сами так глубоко ранены потерей и осиротелостью на земле. В смерти есть сила жизни, которая достигает и нас. Если наша любовь хранит верность, если мы способны помнить не только умом, но сердцем тех, кого любили на земле (по слову Христову: *Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6: 21)), через смерть любимых мы уже до некоторой степени вошли в ту вечность, где они живут. Если наши сердца верны, мы уже вместе с ними. С другой стороны, если их жизнь что-то значила для нас, если она была примером или предостережением, мы можем жить не в разделенности с ними.

Наша жизнь может быть искуплением дорогого нам человека и его славой. Мы можем жить, воплощая своей жизнью все то, что было в нем значительного, высокого, подлинного, так, что когда-то, когда придет и нам время со всем человечеством стать перед Богом, мы сможем принести Господу все плоды, всю жатву семян, посеянных его примером, его жизнью, которые проросли и принесли плод благодаря нашей неумирающей любви, и сказать Господу: «Прими это от меня, это принадлежит ему: я – только поле; сеятель был он! Его пример, его слово, его личность были словно семя, брошенное в почву, и этот плод принадлежит ему».

Личные воспоминания

Трудно, почти невозможно говорить о вопросах жизни и смерти отрешенно. Так что я буду говорить лично, быть может, более лично, чем понравится некоторым из вас. В своей жизни мы встречаемся со смертью в первую очередь не как с темой для размышления (хотя и это случается), а большей частью в результате потери близких – наших собственных или чьих-то еще. Этот косвенный опыт смерти и служит нам основой для последующих размышлений о неизбежности собственной смерти и о том, как мы к ней относимся. Поэтому я начну с нескольких примеров того, как я сам встретился со смертью других людей; быть может, это пояснит вам мое собственное отношение к смерти.

Мое первое воспоминание о смерти относится к очень далекому времени, когда я был в Персии, еще ребенком. Однажды вечером мои родители взяли меня с собой посетить, как тогда было принято, розарий, известный своей красотой. Мы пришли, нас принял хозяин дома и его домочадцы. Нас провели по великолепному саду, предложили угощение и отпустили домой с чувством, что мы получили самое теплое, самое сердечное, ничем не скованное гостеприимство, какое только можно представить. Только на следующий день мы узнали, что, пока мы ходили с хозяином дома, любовались его цветами, были приглашены на угощение, были приняты со всей учтивостью Востока, сын хозяина дома, убитый несколько часов назад, лежал в одной из комнат. И это, как ни мал я был, дало мне очень сильное чувство того, что такое

жизнь и что такое смерть и каков долг живых по отношению к тем, кто еще жив, какими бы ни были наши собственные обстоятельства.

Второе воспоминание – разговор времен Гражданской или конца Первой мировой войны между двумя девушками. брат одной, который приходился женихом другой, был убит.

Новость дошла до невесты; она пришла к своей подружке, его сестре, и сказала: «Радуйся, твой брат погиб героически, сражаясь за Родину». Это опять-таки показало мне величие человеческой души, человеческого мужества, способность противостоять не только опасности, страданию, жизни во всем ее многообразии, всей ее сложности, но и смерти в ее голой остроте.

Еще несколько воспоминаний. Однажды в юности я вернулся из летнего лагеря. Мой отец встретил меня и выразил беспокойство по поводу того, как прошел лагерь. «Я боялся, – сказал он, – что с тобой что-то случилось». Я с легкостью юности спросил: «Ты боялся, что я сломал ногу или свернул шею?» И он ответил очень серьезно, с присущей ему трезвою любовью: «Нет, это не имело бы значения. Я боялся, что ты потерял цельность души». И затем добавил: «Помни: жив ты или умер – не так важно. Одно действительно важно, должно быть важно и для тебя и для других: ради чего ты живешь и за что ты готов умереть».

Это опять-таки показало мне меру жизни, показало, чем должна быть жизнь по отношению к смерти: предельным вы-

зовом научиться жить (как отец сказал мне в другой раз) так, чтобы ожидать свою собственную смерть, как юноша ждет невесту, ждать смерть, как ждешь возлюбленную, – ждать, что откроется дверь. И тогда (и это следует продумать гораздо глубже, чем сумел сделать я, но я это очень остро пережил сердцем на протяжении прошедшей Страстной седмицы), если Христос – дверь, открывающаяся в вечность, Он есть смерть наша. И это можно даже подтвердить отрывком из Послания к Римлянам, который читается при Крещении (там говорится, что мы погрузились в смерть Христову, чтобы восстать с Ним), и другим местом Послания, в котором говорится, что мы носим в теле своем мертвость Христову. Он – смерть, и Он – сама Жизнь и Воскресение.

И еще последний образ: смерть моего отца. Он был тихий человек, мало говорил; мы редко общались. На Пасху ему стало нехорошо, он прилег. Я сидел рядом с ним, и впервые в жизни мы говорили с полной открытостью. Не слова наши были значительны, а была открытость ума и сердца. Двери открылись. Молчание было полно той же открытости и глубины, что и слова. А затем настала пора мне уйти. Я попрощался со всеми, кто был в комнате, кроме отца, потому что чувствовал, что, встретившись так, как мы встретились, мы больше не можем разлучиться. Мы не простились. Не было сказано даже «до свидания», «увидимся»; мы встретились – и это была встреча навсегда. Он умер в ту же ночь. Мне сообщили, что отец умер. Я вернулся из госпиталя, где работал;

помню, я вошел в его комнату и закрыл за собой дверь. И я ощутил такое качество и глубину молчания, которое вовсе не было просто отсутствием шума, отсутствием звука. Это было сущностное молчание – такое, которое французский писатель Жорж Бернанос² описал в одном романе как «молчание, которое само – присутствие». И я услышал собственные слова: «А говорят, что есть смерть... Какая ложь!»

Я привожу эти примеры для того, чтобы вы могли понять, почему мое отношение к смерти может показаться предвзятым, почему я вижу в ней славу, а не только скорбь и утрату. Я вижу и скорбь, и утрату. Примеры, которые я вам дал, относятся к внезапной, неожиданной смерти, смерти, которая приходит, как вор в ночи. Обычно так не случается. Но если вам встретится подобный опыт, вы, вероятно, поймете, как можно, хотя в сердце жгучая боль и страдание, вместе с тем радоваться, и каким образом – об этом мы еще поговорим – возможно в службе погребения провозглашать: *Блажен путь, воньже адеши днешь, душе, яко уготовася тебе место упокоения...* –

² Жорж Бернанос (1888–1948) – один из ведущих представителей католической традиции во французской литературе XX в.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.